

Покровский Д.

23/VIII-88

НА СОИСКАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИИ СССР

В списке кандидатов на соискание Государственной премии СССР — Д. Покровский — художественный руководитель Ансамбля народной музыки и две программы этого коллектива — «Русская протяжная песня», «Композиторы и фольклористы». Сегодня мы публикуем два мнения об этом коллективе и его руководителе.

Беречь фольклор...

По роду своих служебных и общественных обязанностей я нахожусь как бы «на перекрестке» проблем и мнений по народному песенному творчеству и исполнительству. Поэтому считаю себя обязанным высказаться по поводу выдвижения на соискание Государственной премии СССР художественного руководителя Ансамбля народной музыки Д. Покровского.

Человеку, выросшему в деревне и отдавшему всю свою жизнь русской песне, мне бы только радоваться, что этот жанр впервые за последние десятилетия удостоился такой чести. Но, признаться, радости нет, и, прочитав такое сообщение в газете «Советская культура», я испытала нечто вроде шока, как, впрочем, и многие, кто обращался по этому поводу ко мне.

Государственная премия СССР — это признание выдающегося творческого достижения. Это эталон, высшая точка отсчета. Когда присуждалась, к примеру, Государственная премия СССР, а затем и Ленинская премия И. Моисееву, сердце наполнялось гордостью. А в данном случае — неловко: неужели мы так низко ценим свою исполнительскую народную культуру, что считаем возможным программы этого по качеству дилетантского ансамбля представлять как шедевр?

Правда, сейчас время творческих поисков,

экспериментов, многим становится тесно в рамках жанра, особенно когда идут не вглубь, а по поверхности, стремятся привлечь к себе внимание саморекламой, эпатажем, апломбом, забвением извечных законов красоты. За эти хлопотными занятиями некогда думать о таком надоедливом, трудном и неблагодарном деле, как проникновение в содержание, смысл, как наращивание техники исполнения и мастерства.

В этом плане деятельность Ансамбля народной музыки также вызывает сомнение. Поет он непрофессионально — умышленно насадно, женские голоса звучат разрозненно, при общем пренебрежении к слову карикатурно выпячиваются архаизмы, искажается фонетика русской речи. Поведение артистов на сцене, их безудержная «раскованность», отсутствие художественной меры вступают в противоречие с достоинством, которое является законом в русском народном исполнительстве. В представлениях «Царь Максимилиан», «Аника-воин» допускаются передержки непристойного характера, что вызывает веселое оживление в зале, но отнюдь не способствует духовному обогащению зрителей.

Но главную тревогу рождает то, что, не понимая или не желая понять духовной и нравственной сути народного искусства, Д. Покровский эксплуатирует его уникальные образцы как экзотику, замешанную на натурализме и ультрасовременной «магии», характерной для рок-групп, с которыми он нередко выступает. Все это привлекает в известной мере неискушенную в вопросах народной культуры молодежь, но может ввести в заблуждение наивных и простодушных любителей русской песни и даже некоторых высококультурных, интеллигентных людей, которые, не вникая в специфику исполнительства, любят фольклор сам по себе. Их может привлекать роль Д. Покровского как пропагандиста народной музыки. Но ведь эта роль противоречива: популяризируя фольклор, он одновременно внедряет искаженное представление об образе и характере русского человека, выхолащивает нравственный и духовный смысл народного искусства.

В современном разноголосом мире, охваченном «эпидемией» рока, вопрос выживания человека напрямую связан с выживанием и со-

хранением его национальной культуры, ее нравственных ценностей, которые оберегают душевное здоровье каждого народа. В предшествующие десятилетия русское народное искусство пострадало, пожалуй, больше всех других. Поэтому к фольклору нужно подходить особенно бережно, уважая и любя народ, который его создал.

Считаю, что присуждение Государственной премии СССР Д. Покровскому нанесло бы ущерб авторитету народного искусства и престижу Государственной премии СССР.

Н. МЕШКО,
народная артистка СССР, профессор,
художественный руководитель
Государственного академического Северного
русского народного хора, заведующая
кафедрой хорового и сольного
народного пения ГМПИ им. Гнесиных.

...и развивать его!

...Семь, может быть, восемь лет назад. Москва, Знаменский собор. Концерт ансамбля народной музыки под управлением Дмитрия Покровского. На сцене — обаятельный человек с выразительными чертами лица. Решительный настрой, черные усы и могучая шевелюра придают ему несколько демонический вид. Рубленные, глубоко страданные фразы в тишину зала: «Какой-то безымянный чиновник запретил исполнение в концертных программах русской духовной музыки. Это позор. Без нее не существует отечественной музыкальной культуры. Поэтому, несмотря на запрет, сегодня мы будем петь вам духовные стихи». И притихшие от «крамолы» своды заполнил завораживающий величавый распев...

Сегодня Д. Покровский и его ансамбль — в списках на соискание Государственной премии СССР. Что питало и питает его все эти годы? Безмерная любовь и преданность русской народной культуре. И, конечно, особый дар — увлекать этой любовью людей, способность открыть им

целый новый мир, пленить слушателя, разбудить в нем что-то, что заставляет неожиданно для себя закружиться вдруг в хороводе вместе с артистами и лихо отплясывать вместе с ними потом в фойе. Такого до Покровского не удавалось никому.

Руководитель ансамбля — в постоянных профессиональных спорах с некоторыми фольклористами и народными хорами. Но это, как считает Покровский, не конфликт личностей, а конфликт времен, это разное отношение к народной культуре. Для одних народное творчество — нечто застывшее, неприкасаемое, а он взятся доказать, что это не изба, которой надо стоять в музее. В ней нужно жить! Что это — кощунство или веление времени? Во всяком случае это совершенно новый подход, ломающий отношение к фольклору как к чему-то омертвелому.

Обе выдвинутые программы ансамбля — «Русская протяжная песня» и «Композиторы и фольклор» — неопровержимый аргумент мастера в споре с оппонентами. Протяжная песня — это, можно сказать, лицо, визитная карточка нашего фольклора, специфически русское явление, абсолютно уникальное: такого многоголосия, такой протяженности дыхания, развития мелодики нет нигде.

Хоры не брали ее потому, что она в своем родном звучании очень сложна и, заметим, абсолютно «неэстрадна». И вот зал Чайковского, выходят на сцену люди в серых гражданских костюмах, садятся на стулья и не встают с них полтора часа — поют, сидят, под затаенное дыхание переполненного зала. Казачья классика — «По лужочку зеленому», «Туманушки», «Ты воспой, жавороночек», «Ты Россия, мать-Россия», северные свадебная «На солнечном исходе», лирические «Кого нету — того мне жаль», «За реченькой»... И невероятный, ошеломляющий успех. Без костюмов, без скомошества, без единого сопроводительного слова. Только песня и абсолютно выверенные мизансцены — как в античном сакральном театре.

То же и со второй программой, в которой прослеживается изменение отношения композиторов к фольклору. Отношение это, естественно, может быть разным — от преклонения, боготворения народной музыки и использования ее — до борьбы с ней авангардистов. Ансамбль поет хоры из оперы Р. Щедрина «Мертвые души», и становится понятно, что это по сути переливающиеся одна в другую протяжные песни. Завершающие концерт «Голоса природы» Шнитке, композитора,

считающего себя очень далеким от фольклора, — это возврат к принципу древнерусского церковного пения — впервые в нашей стране. Причем не за счет мелодики, гармонии, оборотов, нет, только сам принцип: одноголосное пение карандашного рисунка, как в знаменном распеве.

Программа, за которой стоят глубокие исследования, делает видимыми публике подспудные явления в фольклоре. Даже в абсолютном, казалось бы, полярном Покровский обнаруживает близкое родство. И это еще один аргумент в пользу его позиции — нельзя сегодня подходить к понятию фольклора с узкоформальных позиций: есть сарафан — есть крестьянская культура, нет сарафана — нет крестьянской культуры.

С 1963 года, когда Дмитрий Викторович был еще студентом училища, он начал заниматься фольклором. Ансамбль он создал из своих студентов, таких же одержимых, как и он сам, после десяти лет исследований — в 1973 году. Сцены сначала и в мыслях не было — хотелось проверить на живом звучании свои гипотезы — о технике артикуляции, дыхания, звукоизвлечения. Четыре года не было никаких концертов — были лекции Покровского, которые ансамбль иллюстрировал. Постепенно слов становилось все меньше, а пения — все больше. И как логическое завершение — программа протяжной песни, где слов не осталось вообще. Песня говорит сама за себя.

Покровский всегда непредсказуем — даже для близких друзей. Чего ждать от него завтра? Пока в планах дерзкая идея создать театр собственно народных исполнителей и растворить в нем ансамбль. Увы, на родине фольклора — в деревне — климат для него становится все суше и суше. Фольклор, который мы считаем невероятно старым, на самом деле — младенческое сознание. Как бы идя навстречу ему, ансамбль Покровского перешел в Советский детский фонд.

Успех достигается не только природным даром, нужны еще титанический труд и высочайший профессионализм. Все это, невидимое для зрителя, стоит за той легкостью, с которой чудодействуют на сцене Дмитрий Покровский и его товарищи — бессменная солистка Тамара Смыслова, которая должна была бы разделить честь соискательства высокой премии, Александр Данилов, Андрей Котов, Мария Нефедова, Елена Сидоренко и другие артисты.

Александр МИЛОВСКИЙ.

23 АВГ 1988

СОВЕТСКИЕ КУЛЬТУРА
г. Москва